

За окном внезапно раздался оглушительный рык, от которого Линь Цзе вздрогнул всем телом.

В дверях внезапно появилась огромная морда Арахиса, чья шерсть была ухоженной и блестящей. Зверь едва не сломал дверную раму, чтобы показать свое недовольство словами Линь Цзе, после чего мгновенно исчез, оставив лишь ощущение своего гнева.

Линь Цзе лишь вопросительно посмотрел.

Бай Кэ, скрестив руки, указал на дверь:

— Не пойдешь за ним?

Линь Цзе, с видом полного отчаяния, покачал головой:

— Дайте мне передохнуть. Сейчас я его все равно не догоню.

Услышав это, Юй Сянь покачал головой, цокая языком:

— Наконец-то в нашем клане появился кто-то более-менее нормальный.

Линь Цзе задумался: «Вы уверены, что это не сарказм?»

— Нет, — решительно ответил Юй Сянь. — Ладно, буду звать тебя «Сяо Линьцзы». Слишком большая разница в поколениях, чтобы называть тебя иначе, а считать — это слишком сложно.

Линь Цзе не возразил:

— Как скажете, прадедушка.

Юй Сянь, слегка раздраженный этим обращением, указал на Цзюньсяо:

— Давай поговорим о твоём учителе. Когда он поймал Арахиса, ему было... ммм, лет семь или восемь.

Линь Цзе снова промолчал.

— Ох, семь-восемь лет! Такой малыш, а уже умел льстить. Целыми днями цеплялся за ногу своего учителя и не отпускал!

— Погодите-погодите, — Линь Цзе смотрел на Цзюньсяо, а затем на Юй Сяня, с выражением лица, будто его ударило молнией. — Прадедушка, вы уверены, что говорите о моём учителе?

Бай Кэ тоже был удивлен. Кто бы мог подумать, что этот молчаливый и сдержанный человек в детстве был таким?

— Да, это точно он! Не смотри на меня так, я не сошел с ума. Сяо Линьцзы, не дай себя обмануть его нынешним видом. Этот парень никогда не был спокойным! Его учитель, мой замкнутый ученик, тоже был странным, — Юй Сянь, очевидно, за годы жизни среди людей набрался множества выражений и использовал их с легкостью, время от времени бросая взгляды на Бай Кэ.

Бай Кэ, неожиданно оказавшийся под огнем, смотрел с невинным видом.

— Выглядел он серьезным и сдержанным, но внутри был настоящим бунтарем. С виду

послушный и спокойный, но на самом деле — скрытая бомба. Если уж он начинал шалить, то размахивал так, что чуть ли не небо пробивал. Вот почему люди, кажущиеся спокойными, обычно выходят за рамки самым грандиозным образом, — Юй Сянь говорил о своих учениках с видом человека, который страдает от их поступков, словно они были не его учениками, а его должниками.

Когда Юй Сянь заговорил о Бай Линчэне, Хо Цзюньсяо, который до этого молча слушал, стал внимательнее. Хотя он уже слышал это много раз, ему не надоедало слушать снова.

— У моего замкнутого ученика было мало увлечений, и большую часть времени он выглядел внушительно, как настоящий бессмертный. Но у него была одна странная привычка — он любил подбирать вещи. Например, детей. Вот, — Юй Сянь кивнул в сторону Цзюньсяо. — Кроме этого парня, которого я привел, остальных учеников, включая тех, кто был в клане, он подобрал на улице. И не просто подобрал, а принес домой, потому что они выглядели жалко. К счастью, все они были сиротами или потеряли родных, иначе их родственники пришли бы сюда с жалобами. Но он подбирал не только детей, но и странные вещи!

— Странные вещи? — Линь Цзе, с интересом глядя на своего прадеда, чувствовал, что тот очень забавен.

— Да, — Юй Сянь скривился, с трудом вспоминая. — В юности он подобрал детеныша горной обезьяны. Когда он принес его, я подумал, что он хочет вылечить его и выпустить обратно. Но когда я спросил, он сказал, что это его новый ученик. Я чуть не плюнул ему в лицо.

Когда Юй Сянь рассказывал о юности Бай Линчэна, Цзюньсяо улыбался и даже стал более разговорчивым:

— Я помню, как он мне рассказывал об этом. Тогда я еще не был его официальным учеником. Он сказал, что та обезьяна, хотя и не приняла человеческий облик, была практически полубожественным существом и прожила около четырехсот лет, прежде чем умереть от старости. Когда ты спросил, почему учитель вдруг взял трех учеников, я сказал, что это потому, что младшая ученица была похожа на нее.

Линь Цзе подумал: «Как можно быть настолько бестактным, чтобы сравнивать девушку с обезьяной!»

Бай Кэ по-прежнему смотрел с легким недоумением.

— Да, — протянул Юй Сянь, раздраженно. — И тогда эта девчонка рыдала так, что сердце разрывалось. Видимо, уже в детстве она была мастером плача. Став старше, она плакала реже, но когда начинала, то рыдала так, что земля дрожала.

— Да, — с улыбкой кивнул Цзюньсяо, после чего прадед и внук внезапно замолчали. Улыбки на их лицах постепенно исчезли, оставив лишь легкую ностальгию и растерянность.

Неизвестно, повлияли ли на него их эмоции, или что-то еще задело его, но Бай Кэ тоже почувствовал легкую грусть. В его сердце появилось странное чувство тяжести, словно темные тучи внезапно накрыли его, вызывая беспокойство.

— Шэнь... — он не знал, почему это имя неожиданно сорвалось с его губ, словно он хотел кого-то назвать, но произнес только фамилию, остановился, не зная, что сказать дальше. Он перебрал в памяти всех знакомых, но никто с такой фамилией ему не вспомнился.

Юй Сянь и Цзюньсяо, услышав его слова, очнулись и посмотрели на него. Они, видимо, не поняли, что он хотел сказать, и, скрыв свои эмоции, стали ждать продолжения.

— Ничего, — покачал головой Бай Кэ, не зная, как выйти из этой ситуации, и обратился к Линь Цзе. — Ты же еще не поймал Арахиса? Почему сидишь здесь? Не боишься остаться без ужина?

Линь Цзе почувствовал, что он, видимо, рожден для того, чтобы быть мишенью. Он просто сидел здесь, и за это короткое время уже несколько раз оказался под огнем.

— Я... Я пришел попить воды, — ответил Линь Цзе, вспомнив, зачем он вообще сюда пришел. Он взял чайник со стола, одной рукой держа ручку, другой — крышку, налил себе четыре чашки и быстро выпил их одну за другой.

С громким стуком он поставил последнюю чашку на стол, встал и, с видом человека, идущего на верную смерть, медленно направился к двери. Он обернулся, надеясь, что кто-то из двоих проявит милосердие и скажет что-то вроде «Сначала поешь, а потом продолжишь». Но, переступив порог, он увидел, что оба смотрят на него с выражением «Давай, быстрее».

Линь Цзе вернулся обратно и не выдержал:

— Учитель, прадедушка, вам нечего мне сказать?

— Твои способности немного ниже среднего, — заметил Юй Сянь. — Если поймаешь за два дня, это будет хорошо.

Линь Цзе подумал, будто ему воткнули нож в грудь.

— Прадед-лентяй прав, — бесстрастно добавил Цзюньсяо.

Линь Цзе почувствовал еще один удар.

— Счастливого пути, — сухо отозвался Бай Кэ.

Линь Цзе лишь вздохнул.

Он с досадой вышел за дверь и исчез, продолжая погоню за Арахисом.

— Он еще далек от отказа от пищи, а в его возрасте, семнадцать-восемнадцать лет, организм еще растет. Не дай бог он умрет с голоду, — сказал Юй Сянь, проявляя остатки совести.

— Да, — согласился Бай Кэ. — Два-три дня без еды — это тяжело для обычного человека.

Цзюньсяо, с холодным выражением лица, посмотрел на Юй Сяня и Бай Кэ:

— Когда вы бросили меня в Чжунминцзин голодать на полмесяца, я не видел, чтобы вы так беспокоились.